

Какаши никогда не хотел возвращаться сюда.

Минато-сенсей наконец-то послал команду исследовать или раскопать тело Учихи Обито, и вот он снова у моста: Каннаби, тот, кто изменил его жизнь и забрал человека, который был его лучшим другом... Человек он так плохо обращался с ней в течение многих лет. Мито, должно быть, ошибался.

Она ошибалась!

Какаши понятия не имел, были ли сенсорные способности Мито настолько хороши, насколько их считал его сенсей, но она, как и любой другой человек, могла совершить ошибку. И он злился на них обоих. Иррационально злился, и этого нельзя было терпеть.

Шиноби должны убить все эмоции.

Шиноби всегда должен ставить миссию на первое место.

Обито - ОБИТО - был тем, кто научил его, что эти правила иногда ошибочны. Он был первым, кто сказал, что решение его отца спасти своих товарищей по команде было скорее благородным, чем предательским, и теперь он снова стал «старым Какаши»: паршивцем, который ставил правила превыше всего. Нет... Он прикрыл рот рукой, понимая, что вспотел, замерз и дрожит, и постарался не блевать.

Он загнал свое горе и отвращение вниз, вниз, вниз, туда, где он больше не мог их чувствовать.

«Мито никогда не забывает подпись чакры, как только она подвергается воздействию, Каши-кун. Она провела больше месяца с Обито-куном, так что... Я тоже не хочу в это верить, сынок. Я не хочу... Поскольку ваш сенсей, я был ответственен за вас троих! Это я оставил его живым под всеми этими камнями...»

«Прекратите, сэнсэй! А я был руководителем группы на этой миссии!»

Крики Наруто прервали разговор, как это часто случалось. Старейшины и гражданские лица ненавидели это.

Матриархи клана решили стать нянями для ребенка, о чем раньше никто не слышал. Минато-сенсей в настоящее время злился на Микото-сан, лучшую подругу сестры Кушины, потому что он поймал ее, направляющую чакру в желудок ребенка, пока она кормила его. «Она пыталась проверить, является ли Наруто новым джинчуурики», — сказал сенсей.

Сейчас Какаши была со своим мужем, который руководил этой миссией.

— С тобой все в порядке, босс?

«Со мной все в порядке, Паккун. Ты или мальчики уловили его запах?»

«Здесь пахнет смертью», — сказал Паккун, неприятно чихнув. Он был рад, что ему не пришлось выполнять многие из этих миссий: обычно они предназначались для нинкен Инузука, некоторые из которых тоже были здесь. Он и его стая были здесь в основном для того, чтобы поддержать Какаши. Он придвинулся рядом со своим призвателем, почти сидя у него на ноге. Какаши немного расслабился, но, по его острым чувствам, от него несло стрессом и потом даже на морозе.

Пользователи Земли использовали различные методы, чтобы исследовать каждый кусочек ландшафта и поднимать с него всевозможную грязь и пыль. На этот раз Какаши не использовал свой заимствованный глаз, чтобы копировать их техники, заметил мопс. Его босс был здесь, чтобы проверить, где именно остался Обито, а естественный глаз Какаши никогда не покидал той зоны, где его чуть не убили. На данный момент Инузука и Акимичи повезло, если это можно так назвать, выкопав в этом районе десять тел: все из Ивы.

Обито, казалось, уже давно ушел, но Фугаку был полон решимости найти его тело или доказательство его отсутствия.

«Этот мальчик-полукровка, без таланта, НЕ мог бы выздороветь, если бы то, что сказал Какаши-кун, было правдой! Он НИКОГДА из всех людей не мог бы вызвать лису!»

— Отойди, Какаши!

Хотя Какаши был тем, кто подошел к главе клана Учиха, как будто собираясь напасть на него, именно приказ Минато и намерение убийства помешали Фугаку-сама сказать что-либо еще о предположительно умершем товарище по команде его призвателя. Однако теперь Паккун - и Какаши, в этом он был уверен - задавались вопросом, НЕ хочет ли Учиха Фугаку больше всего на свете найти здесь тело Обито.

Если не Обито выпустил лиса, а затем наложил на него гендзюцу, то какой Учиха объявил войну Листу? Можно ли поместить биджу в гендзюцу? - задумался Паккун.

Все остальные Учихи предположительно были найдены живыми и мертвыми. Если не Обито напал на Кушину-саму и Коноху, то кто это был? Какаши сказал, что глаза Кьюби приняли форму Шарингана, и что даже он мог видеть это из-за барьера, внутри которого был заключен его призватель.

Лай его товарищей привлек внимание Паккуна, отогнав его мрачные выводы. Он перепрыгнул через обломки, чтобы посмотреть, что нашла гончая Инузука. Вдохнув лишь один раз, он почувствовал запах чего-то, что знал наизусть, хотя физических следов этого, видимых глазом, уже не было. Кровь. В частности, кровь Какаши: кровь, с которой были связаны он и стая. «Босс!»

Какаши медленно приблизился к своему нинкену, пытаясь сохранять спокойствие, когда наконец увидит разложившееся тело Обито. Тело, которое преследовало его в кошмарах.

Но не тут-то было.

«Он слабый, но это определенно твоя кровь, Босс, и... я думаю, его».

Какаши всхлипнул и сжал руки в кулаки, дрожа всем телом. "Продолжать копать."

Время тянулось.

Мито бывала и в худших местах, напомнила она себе, но редко бывала в более скучных местах. Или более женоненавистнические места. По большей части монахи Храма Огня считали ее «принцессой» и, казалось, в подавляющем большинстве считали ее обузой и обращались с ней как со стеклом.

Она была для них обузой.

Прошло много лет с тех пор, как Мито приходилось практиковать упражнения по контролю чакры, но теперь они, казалось, занимали всю ее жизнь, помимо физических тренировок, ради которых она тайком убегала. Она отчаянно пыталась доказать Кацуе-саме, что может оставаться одной из ее призывателей, хотя ее чакра теперь была настолько мощной и разрушительной, что она понимала, почему слизни в настоящее время отказываются сотрудничать с ней. Они были чрезвычайно чувствительны и не могли справиться с ее чакрой.

Проблемы, которые у нее были с Кацуей, затрудняли общение с семьей. Жабы могли ее найти, но за те месяцы, что она была здесь, отец отправил только два сообщения. Она понимала почему, но ей очень хотелось услышать его мнение. Она перечитывала эти два письма каждый день, желая оказаться в Конохе, чтобы поддержать его и Наруто-чан. Раньше она рожала и была рядом с младенцами: они отнимали у родителей так много времени и энергии, а ее отец делал все это один.

О, в своих письмах он утверждал, что получает поддержку от своего ученика и охранников, а также от своих старых друзей, но у всех его старых друзей были дети, а все его охранники были подростками! Подростки, конечно, могли присматривать за детьми: присмотр за детьми предположительно был традицией миссии генинов, но Наруто был таким маленьким, и они, конечно же, не могли выполнять эту работу так хорошо, как она. Она была его сестрой!

Это была кровь: все, что осталось от крови ее матери. Последние Узумаки.

Не думай так, Мито. Мама никогда не отказывалась от поиска выживших из Узусио, и я тоже не должен этого делать.

Даже если монахи отказывались от ее участия в чем-либо, кроме работы над барьерным фуиндзюцу, она никогда не прекращала тренироваться и стараться добиться большего. Чрезвычайная ситуация могла возникнуть в любой момент, и она была полна решимости оставаться боевым медиком. Поэтому ночью, пока монахи спали, Мито сбежал в лес, чтобы тренироваться. Она даже не могла приклеить к телу листья: они просто срывались с нее! Когда она впервые наступила на дерево, оно взорвалось, разбудив монахов. А ее скальпель чакры был настолько большим и непокорным, что больше напоминал невероятно острую дубинку, чем хирургический инструмент.

По крайней мере, вода все еще подчинялась ее воле. -По крайней мере, она этого не потеряла.

Ее вторичный Ветер и даже несколько огненных дзюцу тоже давались ей легче. Однако они были чертовски неуправляемы и слишком опасны, чтобы использовать их в полевых условиях в таком виде, как сейчас.

Ее пессимистические мысли были прерваны маленькой белой змеей, от которой у нее забилось сердце. — Эй! Оборота-сама, да? Маленькая белая змея кивнула, а затем плюхнулась прочь, разочаровав ее. Она надеялась, что ее любимый дядя отправит сообщение, но, похоже, он просто навещал ее.

«О, чувак», - заныла она. Затем половицы треснули как раз перед тем, как земля сдвинулась с места. Мито вскочила и схватила свое спрятанное оружие, готовая уничтожить злоумышленника, который держал руки вверх и выглядел скучающим и темпераментным. «Орочимару-оджи!» Она бросилась на саннина, обняв его и получив нежное похлопывание по голове.

— Одну минутку, Кит, — сказал он, отталкивая от себя глупую девчонку. Он протянул руку к сломанному полу и вытащил своего ученика сквозь землю. — Проблемы, Анко-чан?

«УФ!» Анко упала со своей «нетрадиционной» подругой и слоями грязи поверх нее.

Она скучала по ней! Она также была рада, что ее друг не смеялся над ней из-за того, что она застряла в конце своего дзюцу. «Эй, Мито, как дела?»

«Длинный и вялый!» Мито поздоровалась в ответ, сдерживая слезы, слезая с девушки, которая, вероятно, была ее лучшей подругой.

Орочимару промычал и оглядел очень пустую комнату: это его беспокоило. «С днем рождения, Кит. Вместе с этим я приношу в подарок присутствие этого ужасного ребенка», — сказал Орочимару, вытаскивая свиток.

- Что? Это не... Это... у меня день рождения? — спросил Мито тихим голосом.

— Да, дурачок, — сказала Анко, широко улыбаясь. «Ой, чувак! Мне надо было подарить тебе календарь». Мито, однако, промолчала, а затем начала тихо хихикать, от чего Анко озноб и ей захотелось бежать. Ее хозяин ударил ее подругу странными волосами на голове.

— Оууу, — воскликнула Мито, надувшись и потирая голову. «Какого черта, чувак». Ее снова ударили. «Оу!»

«Язык, комплект». Орочимару поставил глушащую печать, в то время как его ученица заткнула уши пальцами и начала «ля-ля»: что-то совершенно ненужное. «И ты направлял чакру лисы».

«О. Мне... мне очень жаль», — сказала Мито, ошеломленная тем, что она сделала это так легко. «Я... извини за это, и, опять же, я не осознавал, что пробыл здесь... год ? » — спросила она отрывисто, садясь рядом со своим футоном. «Неужели прошел год?»

«Время летит незаметно, когда тебе весело?» - сухо спросил Орочимару.

«Блин, нет, мне было не весело. Оууу! Ты оставишь меня с ЧМТ!»

«Я очень сомневаюсь в этом, хотя говорят, что повреждение головного мозга является обычным явлением у Узумаки», — усмехнулся Орочимару. Комплект заворчал на него, и он решил опереться на стену.

«Мы изгнаны», — кричала Анко, как будто это было что-то хорошее. Челюсть Мито отвисла, когда Орочимару посмотрел в потолок в поисках помощи, которой не было.

«Я нахожусь в САББАТИЧЕСКОМ», — горячо заявил Орочимару после деактивации печати. «Вам наконец разрешили сопровождать меня, не так ли?»

— Да, да, да, — сказала Анко, как будто они прошли через то, что можно назвать «опытом/путешествием/наказанием Орочимару» сто раз. «Нас выгнали из Конохи», — объяснила Анко.

Для большинства Мито внезапно выглядела отсутствующей, но Орочимару знал девушку (и ее отца: этого ужасного человека) достаточно долго, чтобы понять, что она кипит. Минато был таким же: то смертельное затишье перед бурей... — Это временно, — сказал он, слегка взмахнув рукой, как будто это не имело значения. «Мне это выгодно, иначе я бы не стал мириться с ерундой твоего отца».

«Будь осторожен, Ороты-одзи: мой отец — Хокаге», — излишне напомнила ему Мито, когда в конце концов повернулась и села очень близко к Анко, поскольку пол был выровнен.

— Ты горячая штучка, — сказала Анко, нахмурившись. Она прижалась лбом к подруге, и Мито оттолкнула ее, закатив глаза.

«Теперь я бегу туда», — сказала она со вздохом, прежде чем посмотреть в глаза подруге, насколько могла. «Итак, ты знаешь о... ты знаешь», — сказала она, схватившись за живот.

Анко пожала плечами: она не была уверена во всем этом, но могла предположить, плюс ходил огромный слух, о котором Мито должна была знать. «Эй, ты слышал, что твой младший брат...»

— Хватит, Анко, — прервал его Орочимару ругающимся тоном.

«Люди... Люди думают, что Наруто-чан — джинчуурики? Ты это собирался сказать?!» — спросил Мито. Видя, как призыватели змей смотрели друг на друга, она знала, что это правда. Расхаживая по маленькой комнате, как могла, она почувствовала панику из-за того, что попыталась надавить на нее. «Это... это опасно! Это то, чего я пытался избежать! Подожди, папа никогда не говорил! Наруто тоже джинчуурики?»

«...Я даже, черт возьми, не знаю», — продолжила она, прежде чем пробормотать: «Ками знает, что за чушь и угрозы для мира в целом», — подумал Орочимару, закрывая глаза. Он решил пока оставить этот язык без внимания, и у него не было однозначного ответа на ее вопрос о малыше. И если Мито на самом деле не знал, то кто мог бы знать, учитывая все, что пошло не так с тюленем лисы?

Кроме Минато.

«Этот мужчина редко выпускает ребенка из поля зрения».

Мито повернулась к нему с задумчивым видом. "Ты его видел?" — спросила она, сжимая ее руку и теребил пальцы.

«У него есть бакенбарды», — просто сказала Анко, заставив остальных обитателей комнаты фыркнуть, хотя на лице Мито было выражение нежности и надежды. Она была хорошенькой девушкой, подумала Анко, даже с маленькими белыми шрамами на верхней части щек. Анко знала, что они гладкие, как будто их вообще не было, потому что в первый день встречи она ущипнула и потеряла Мито щеки, чтобы посмотреть, что с ними. За это ее укусили, и она подумала (оглядываясь назад) на то, что это было весело!

Орочимару закатил глаза и вздохнул. «Я уверен, что его, цитирую без кавычек, «усы» — результат пребывания в утробе предыдущего джинчуурики... Этого вы сможете бояться в своих собственных наборах».

Последовала долгая пауза, прежде чем Мито заговорила, и когда она это сделала, это было с предельной серьезностью и отвращением, удивив Змеинового Саннина. «Детей у меня никогда не будет. Во время родов тюлень ослабевают, а он уже тут как тут», — сказала она с раздражением, имея в виду лису.

Орочимару подошел к девушке, глядя на нее с любопытством, которое он обычно приберегал для своих экспериментов, прежде чем снова взглянуть на Анко и прижал кончик пальца к ее лбу, эффективно запечатывая то, что они только что обсуждали, и помещая ее в легкое гендзюцу. - Это было его собственное творение. Мито пожаловался на это, но в конце концов

успокоился. «Что значит, лиса «вот здесь»? Я полагаю, вы имеете в виду именно это?»

Мито потеряла виски. «Прямо на краю моего сознания», — объяснила она и активировала большую заглушающую печать, которую ей следовало активировать раньше. «Он застрял в подвале моего чертога разума: он... он в очень плохой форме, когда я последний раз его посещала», — виновато сказала она, потирая руки. Как и она, лиса всегда была утомлена, и хотя он кричал на нее за то, что она спросила, не болен ли он, говорил, что вопрос «бессмысленный», и обзывал ее ужасными именами, Мито чувствовал, что она причинила ему серьезную травму.

Она должна была быть в первую очередь целителем, а уж потом бойцом.

- Не имело значения, что он был большим злобным лисом.

— Оставь его, Кит, — серьезно сказал Орочимару, зная, как девушка относится к животным; он был уверен, что глупость распространится и на сущность чакры в виде лисы. Сколько своих экспериментов она выпустила, пока девочка не нашла тот, который погиб, потому что был не готов к жизни в дикой природе? В то время ей было всего 5 или 6 лет, но она усвоила ценный урок. В конце концов Мито кивнула ему, но Орочимару ей не поверил.

Она была таким проблемным ребенком.

— Ты можешь рассказать мне о нем? Я, ано, давно ничего не слышал о Наруто-чане.

Орочимару отказался от своего дзюцу против Анко и повторил вопрос Мито. У него не было желания говорить о Хокаге или другом его отродье, и он хотел понаблюдать за девочками.

— Хорошо, — сказала Анко, не читая комнату и не понимая, что только что произошло. «Он похож на Хокаге, но говорят, что Хокаге-сама думает, что он похож на твою маму». Мито кивнула с выражением лица, которое заставило Анко подумать, что она пытается представить своего младшего брата и в то же время не плакать. Ей всегда хотелось иметь братьев и сестер — или вообще семью, хотя у нее был хозяин, а это, по ее мнению, было чем-то вроде семьи, — так что она могла догадаться, что Мито тосковала по маленькому паршивцу. «Он много и ОЧЕНЬ громко плачет, но Орочимару-сишоу говорит, что он довольно умный».

Орочимару усмехнулся, выглядя одновременно смущенным и отвращенным. «Тц, его развитие соответствует ожиданиям человека, рожденного шиноби».

«Это... хорошо», — сказала Мито, затем закусил губу. «Папа сказал, что он похож на маму», — пробормотала она про себя, всхлипывая.

«Он толстый», — сказала Анко, заставив Мито остановиться и рассмеяться.

«Бака!» - крикнул Мито.

«Большинство скажут, что он похож на Минато из-за цвета кожи, но ты гораздо больше похож на своего отца», — одновременно сказал Орочимару, помахав рукой, прежде чем сунуть свиток, который он принес девушке с центральной гетерохромией. Как всегда, он принес все необходимое, чтобы проверить ее иммунную систему и убедиться, что ее генетическая мутация не повлияет на ее дальнейшее развитие. Хотя у девушки был более распространенный вариант гетерохромии глаз, у нее был самый странный узор волос, который он когда-либо видел, но в остальном она выглядела нормальной, как и ее предыдущие тесты. Однако теперь, когда она стала джинчурики, ее здоровье было еще важнее.

Ее здоровье и благополучие имели для него значение, несмотря на то, что Хокаге недавно утверждал обратное.

Видя, что она не получила никакой новой информации, Мито вздохнула и села со свитком. Внутри было красивое кимоно и новый наряд куноичи, который, казалось, действительно ей подходил. За последний ГОД она выросла на несколько дюймов - не могу поверить, что это был год: долгий, несчастный ГОД! - и нуждалась в новой одежде. «Спасибо, Оджи», — сказала она с благодарностью, прежде чем подойти к мужчине для еще одного объятия.

Он не очень хорошо обнимал, но это определенно было лучше, чем ничего. И ничто не было всем, что у нее было в течение очень долгого времени.

Орочимару также принес свои свитки с различными дзюцу и теориями. Подарком Анко был данго, который был намного лучше календаря, хотя Мито понимала, что ей действительно нужно либо получить его, либо посчитать дни с тех пор, как она потеряла счет Со. Много. Время.

Многих монахов на самом деле не заботило течение времени в обычном смысле, и она не хотела походить на них.

Трио делилось данго, обсуждая творческий отпуск Орочимару в Стране Травы и то, что он планирует делать там в течение часа или около того.

/

Мито осталась одна чинить пол. Она пробралась на склад, чтобы взять немного пиломатериалов, зная, что некоторые из монахов впадут в приступ яростного предполагаемого безмятежности, если увидят, как Орочимару-одзи выходит из ее комнаты. Вместо этого они обвинили бы ее, поскольку ей пришлось сохранить его визит в секрете. Когда она начала поднимать половицы, фигура ее крестной матери и старшей сестры появилась в клубе дыма рядом с клоном Кацуи, который немедленно рассеялся. Она чуть не заплакала, но вместо этого глубоко вздохнула, повторяя мантру, которую она часто использовала, имея дело с несколькими монахами, с которыми определенно было что-то не так. Эти монахи заставили ее разозлиться и испугаться...

Шиноби должны убить все эмоции.

Шиноби должны убить все эмоции.

Шиноби должны убить все эмоции.

«Цунаде-сама, сестрёнка Шизуне. Я благодарна за ваш визит», — сказала Мито без эмоций, прежде чем поклониться.

«Какого хрена, паршивец?! Сколько времени прошло, а ты такое дерьмовое приветствие мне даришь? Мне пора уйти!»

— Цунаде-химэ, — вскрикнула Шизуне, как обычно ругая тётю.

«Пожалуйста, не надо», — слабо сказала Мито, прежде чем отказаться от уловки и обнять их обоих. Непреднамеренно задушенные огромной грудью Цунаде, когда женщина чуть не сломала себе позвоночник и ребра в объятиях, две женщины поздравили ее с Днем Рождения, распечатали торт и еще больше одежды куноичи. Они были достаточно хороши, чтобы помочь

ей с полом, поскольку Цунаде все время проклинала своего товарища по команде.

Другой ее товарищ по команде, Джирайя, появился сразу после того, как были уложены новые пиломатериалы.

«Смотрите! Это я, Великий Мудрец...»

«Заткнись, Джирайя», — кричала Цунаде, заставляя Мито съежиться и прикрыть чувствительные уши — глупая лиса, наделяющая меня странными способностями, подумала Мито. «И избавься от этой чертовой жабы!»

Слава Мудрецу, это был один из его меньших размеров.

«Ой, Химэ! Ты такой злой!» Он подскочил к своей крестнице и безжалостно ерошал ее длинные волосы, пока она не притворилась, что пытается его ударить, а затем обнял ее. «Креветки! Вы выросли! Новые полы?»

«Ух», — проворчала Мито, но, вероятно, была счастливее, чем за последние несколько месяцев, или, по крайней мере, на какое-то время...

По крайней мере, Джирайя был небольшим источником информации.

«Старейшины пытаются завязать петлю на яйцах твоего отца...»

...

«Что?! Конечно, он прислал записку!»

- Мито внезапно уловила острое ощущение, которое, казалось, застыло на месте, во что она не хотела верить. Ее крестный лгал: это было похоже на запах или туман, исходивший от ее крестного отца, который дал ей знать. Однако она ничего не сказала, пока он обшаривал карманы в поисках сообщения от ее отца, которого, как она знала, там не было.

Она была права.

Наконец-то она сфотографировала Наруто-чана, и его пухлое лицо и улыбка растопили ее сердце. Посмотрите на все эти молочные зубы. Он стоял: никто еще не говорил, что он ходит, но доказательства были на снимке. Дети шиноби развивались гораздо быстрее, чем гражданские лица, поэтому Наруто-тян, вероятно, ходил неделями или даже месяцами.

Ей действительно нужно было собраться с силами.

...

«Восстановление наконец завершено, так что это должно высвободить часть его времени, Мито-чан. Между паршивцем и деревней твой отец измотан; клянусь Ками, я не знаю, зачем кому-то нужна должность Хокаге».

...

— Асума — настоящий заноза в заднице. Клянусь, все твоё поколение — отстой. Хе-хе... За исключением тебя, конечно, Химэ-тян!

- По крайней мере, он, похоже, не лгал об этом.

«...Этот мальчик все еще гоняется за юбкой Юхи-чан, шпионит за ней, как придурок».

«Как будто ты один разговариваешь, Извращенец!»

Подшучивание Цунаде и Джирайи заставило ее улыбнуться - хотя ее старшая сестра, казалось, чувствовала себя все более неуютно и боялась ее, чем дольше они были там.

Сжав руки в кулаки и отвернувшись от них, Мито остро почувствовала, насколько одинокой она обычно была сейчас.

Ками. До этого она действительно была избалованной маленькой принцессой, не так ли?

Несколько часов спустя она вернулась в подвал своего дворца разума.

«Ты выглядишь лучше, Фокс-сама».

«Итак, мой тюремщик вернулся», — усмехнулся он, наблюдая за своим новым джинчурики, который был... зол. Великий лис напевал про себя. С гневом я могу работать.

<http://tl.rulate.ru/book/96211/3291339>